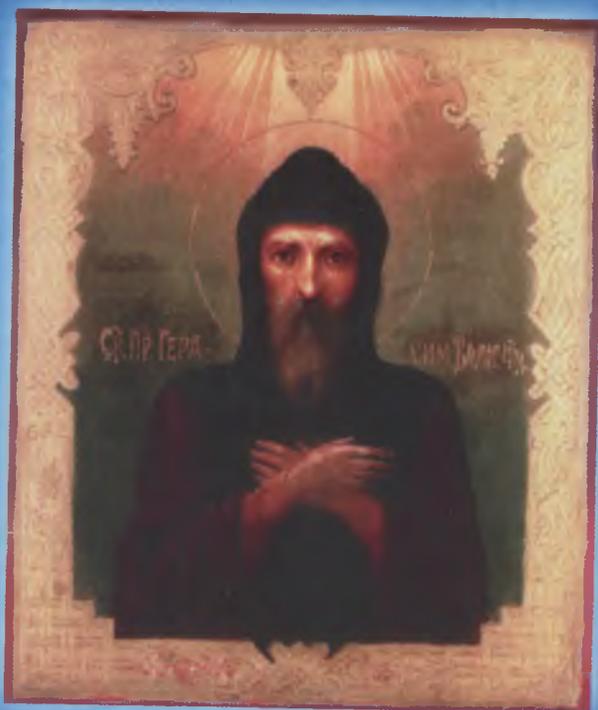

63.3(2)РосЧво
Б20
261712

Р. БАЛАКШИН

**МОЙ
ГОРОД
МИЛЫЙ**

Преподобный
Герасим Вологодский

Приход преподобного Герасима на реку Вологду

Далёкий путь, трудна дорога:
То дождь, то жар дневной печёт,
Но с упованием на Бога
Шагает иннок всё вперёд.

Идёт сквозь дебри и овраги
С крещатым посохом простым.
Душа полна святой отваги
И помышлением святым.

Работник Господа свободный,
Унынья чуждый и тоски,
Пришёл Герасим преподобный
На берег Вологды-реки.

И рек подвижник вдохновенный,
Пронзая взором даль веков:
«Здесь будет град благословенный,
Отрада северных краёв.

Градские стогны украсятся
Великим множеством церквей,
Святители здесь водворятся
На славной кафедре своей.

Монастырям тут многочисленным,
Как райским кринам процветать!
И неоскудно изольётся
На край сей Божья благодать».

О, Вологда, мой город милый!
Произволением Вышних сил
Святой угольник в дни былые
Тебе начало положил.

Стоишь ты прочно и поныне
С надеждой светлою любви.
Так будь верна родной святыне,
Люби её и в ней живи!

Троице-Герасимовская церковь, где под спудом почивали мощи
прп. Герасима (не сохранилась)

Родной город

I

Города, как и люди, имеют свои дни рождения. У одних они документально зафиксированы в государственных актах, истоки других — в сказаниях и легендах, след которых теряется в тёмной дали веков. А наша родная Вологда ведёт отсчёт своего исторического бытия с сентябрьского дня (19.8./1.9.) 1147 года, когда на берег реки Вологды после многомесячных странствий пришёл киево-печерский инок Герасим. Увидев здесь небольшое поселение, он срубил невдалеке от него келью, «прорицая ту быти граду великому, и святей церкви воздвигнутися, и святителем водворитися» (из тропаря преподобному Герасиму).

Конечно, преподобного Герасима привела на вологодские берега непостижимая воля Господня. Если человек не появляется на белый свет без промысла Божия о нём, то что говорить о городах, которые люди населяют? Вблизи того места, где был погребён первочеловек Адам, основался святой град Иерусалим; на семи холмах в долине Тибра воздвигся владыка мира — имперский Рим, а в центре среднерусской равнины зародилась и расцвела могучим древом дорогая каждому русскому человеку Москва. Так и здесь, в дремучих северных лесах, для высокой и завидной судьбы возник чудо-город с певучим, протяжным именем — Вологда. Многие услышится в этом имени чуткому уху и любящему сердцу: и накатный плавный бег речной волны, и долгий вздох таёжного бора под упругим порывом ветра.

В глухих таёжных чащобах проезжие дороги были редки, наиболее удобным и безопасным путём являлись реки, и, стоявшая на реке, Вологда была как бы воротами в неизведанные северодвинские края, за которыми лежал Урал с иными народами, обитавшими там, с залежами железной руды и драгоценных камней — самоцветов. Поэтому за право обладания Вологдой шла многолетняя упорная борьба между удачливыми новгородскими ушкуйниками, давно проторившими сюда пути, и молодым Московским княжеством, год от года набравшим держав-

Е. Молев. «Весна», 2004

Церковь Варлаамия Хутынского.
Фото архп. Максимилиана

ную силу. С XV века Вологда — удел московских князей, верный и надёжный оплот белокаменной столицы, собиравшей вокруг себя Русь.

Напоминанием о былом родстве с Новгородом служит нам церковь Варлаамия Хутынского, единственная в городе, носящая имя новгородского святого. Многие другие храмы (главным образом, приделы в них) поименованы в честь ростовских и московских святых — Леонтия Ростовского, Сергия Радонежского, митрополита Алексия и др.

В эту пору Вологда видела князя Дмитрия Шемяку, великих князей Василия Тёмного, Ивана III, Василия III. По-разному приходили князья в Вологду: бывало, с добром, а случалось, и с лихом, и тогда жгли, грабили и разоряли город. Но чаще приезжали на

богомолье и по различным государственным нуждам. Город рос, строился. В будние дни слышался стук плотничьих топоров и молотков каменщиков, удары кувалд в кузницах и корабельные команды на реке. А в ярмарочные и воскресные дни торжища и улицы города кипели смехом и песнями, праздничным говором. Бурлила переменчивая, созидательная жизнь. От тех лет до нас не дошло ни одного храма, ни одного жилого дома, только иконы, старинные книги да предметы быта в музее безмолвно повествуют нам о минувшем времени.

Неоднократно наведывался в Вологду и подолгу жил здесь первый русский царь — Иван Васильевич IV Грозный. С его славным именем связана постройка Софийского собора — драгоценнейшей жемчужины Вологды. Ничто в городе не может сравниться с этим белым, как лебединое крыло, собором, одинаково прекрасным в зимнюю стужу и в меланхолично-задумчивый осенний день, в мечтательную белую ночь и в майское лучезарное утро. Находясь в разлуке с отчим домом, вспоминаешь в чужих краях двор, где вырос, семью, друзей, и обязательно — Софию, как утешительный символ вечности города, как залог того, что ты вернёшься в родные места.

В Смутное время Вологду потрясли трагические события. Поляки, воспользовавшись оплошностью воевод, внезапно овладели городом. В пору княжеских междоусобиц тоже бывало разное, жизнь омрачалась бесчинствами и грабежами, и всё же сознание, что перед тобой свои, русские люди, удерживало иной раз гневную руку от крайнего злодеяния. Но что могло остановить иноземных врагов? Со страниц

Е. Молев. «Кремль. Весна»

летописей и житий святых до нас доносится ужас происходившего. В те дни был замучен поляками святой старец Галактион, ценой своей жизни спасший внучку от насильников, а позже в трапезной Спасо-Прилуцкого монастыря приняли огненную смерть страдальцы-монахи.

С воцарением на престоле династии Романовых мир и покой снизошли на русскую землю. Вологда окончательно утвердилась в числе наиболее крупных городов державы Российской. Послы европейских государств проезжали через неё и останавливались в ней, иностранные купцы населяли целую слободу в городе (в районе теперешней Фрязиновской улицы). Случались в городе пожары, когда выгорали целые улицы, но город отстраивался заново. В 1655 году Вологду поразило моровое поветрие (эпидемия чумы), и горожане во избавление от несчастья по обету построили Спасообыденную церковь, одну из немногих обыденных церквей на Руси. К сожалению, потомки, утратившие родовую память, помраченные разумом, не сберегли её, редкостная святыня была разрушена уже в наши дни.

На рубеже XVII—XVIII столетий неутомимый царь Пётр I, исколесив-

В. Страхов. «Дом священника», 2002

ший, пожалуй, пол-России, пять раз посетил наш город.хлопот и трудов было не счесть: восстановление и перевооружение армии после Нарвского разгрома, усиление Архангельской крепости, которую пытались захватить шведы, учреждение навигацких школ, открытие типографий.

С основанием Санкт-Петербурга значение Вологды как торгово-хозяйственного центра понизилось, что вовсе не значит, будто жизнь в ней стала унылой, застойной, провинциальной в уничижительном смысле этого слова. Привыкнув измерять жизнь экономическим аршином, мы считаем: чем больше фабрик и заводов в городе, чем выше товарооборот пристани и купеческих контор, тем богаче, интересней и содержательней в нём жизнь. Однако куда выше ценностей, производимых фабричным, заводским трудом, ценности духовные, а им удобнее созреть и произрастать в тишине. В городе и в XVIII веке строились красивые храмы и дома, писались книги, в гимназии учились дети, многие из которых впоследствии прославили Отечество на ратном поле, на поприще науки и медицины, литературы и искусства. В тишине провинциального города проникновенней творится молитва, чище и естественней чувства, устойчивей быт. В провинции, в несуетной жизни захолустных городков, рядом с деревней, с земледельческим, почвенным трудом созидался наш русский характер, в котором наряду с беспечностью и разгульной открытостью души подспудно присутствует тяжеловатая, патриархальная основательность, та твёрдость и непреклонность верований, убеждений и привычек, которые выручают русского человека в самые трудные моменты его жизни. Отсюда его немногословная, но стойкая любовь к Отечеству, неумолимость в труде и неприхотливость

в повседневной жизни, здоровое недоверие к иностранцам, как к людям, неспособным понять нас, и потому упование на свои, народные силы, а не на помощь со стороны.

Когда на нашу землю хлынуло французское нашествие, Вологда была глубоким, прочным тылом Действующей армии. В Спасо-Прилуцком монастыре хранились сокровища Московских соборов и Троице-Сергиевой лавры. Вели-

В. Страхов. «На Благовещенской улице», 2000

Е. Молев. «Спасо-Прилуцкий монастырь»

чайшие святыни Отечества, доселе находившиеся в отдалении друг от друга, чудесным образом на короткое время собрались вместе. Можно сказать, что в те дни Вологда была духовным средоточием всей России.

За год до своей блаженной кончины Вологду посетил император Александр Благословенный. Почти сто лет коронованные особы не посещали город, и поэтому приезд Императора оставил глубокий след в губернской жизни. Царя ждали, Ему были рады, Его встречали и принимали со всей щедрой открытостью гостеприимного сердца. Почётной наградой звучат и поныне слова Государя: «Всё, Мною виденное в Вологде, далеко превзошло Моё ожидание».

В XIX веке в городе было построено большинство каменных гражданских зданий, спланированы бульвары, разбиты парки и скверы, сложилась система улиц и дворов. Заборы, отделявшие один двор от другого, способствовали созданию в каждом из них своеобразного, удивительного для постороннего пришельца мира. Эти миры образовывали вселенную города. Та Вологда с её обликом действительно русского северного города была видна взору во всей полноте милого очарования старины ещё каких-то тридцать лет назад. Как грустно и больно думать, что на наших глазах, никого не спросив, невежды городские правители уничтожили это рукотворное чудо.

В XIX веке в Вологде побывало много исторических лиц. Озабоченный подготовкой великой Крестьянской реформы в 1858 году в город приезжал Император Александр II Освободитель, позднее великие князья Владимир и Сергей Александровичи, великая княгиня Елизавета Фёдоровна (ныне прославлена в лике святых), государственные деятели К. П. Посьет, К. П. Победоносцев, М. И. Хилков, И. К. Григорович, писатели М. П. Погодин, И. Ф. Анненский, И. А. Бунин...

Но наступило время, и над городом взвихрилась революция, пушечной пальбой на Северном фронте загрохотала гражданская

В. Страхов. «Крыльцо», 1998

война. Было всё: митинги и революционные песни, красные знамёна и субботники, а по ночам (и не только по ночам) обыски, аресты и расстрелы в ЧК. Нет зла и отмстительной досады в душе, но что-то неизбывчиво тлеет в ней. И, когда шагаешь благодатной пасхальной ночью по спящему, милому городу, вдруг повеет в сердце холодок давней предрасстрельной тоски, и горько шепнёт нежный голос: зачем, зачем всё это было? Зачем убивали их, молодых, сильных красивых офицеров, юнкеров и гимназистов, не меньше нас любивших Россию? О такой ли свободе мечтали в вологодской ссылке Бердяев и Ремизов, вышвырнутые большевиками на чужбину? Гуляя по вологодским улицам, мог ли догадываться Савинков, чем обернётся для него борьба с самодержавием? Ах, было, всё было, и, не приведи Господь, чтобы повторилось вновь. А ведь немного было нужно, чтобы отвести беду: всего лишь нелицемерно любить и жалеть друг друга, не давать росткам зависти и подлости прорасти в душе злобой, нужно было любить город, его дома и улицы, деревья и цветы, ведь город — частица нашей души — тоже страдает вместе с нами.

Двадцатые и тридцатые годы справедливо называют тяжёлыми годами. Море ненависти, взволнованное революцией, не могло утишиться в одночасье, отсюда подозрительность, доносы, осуждение виновных и страдания невинных. Но было ведь не только это. Были книги и песни, радостный труд и любовь. Люди любили наперекор всему, радовались жизни, мечтали и строили новую жизнь. И, как знать, куда бы повернулась она, если бы не 22 июня 1941 года.

С 1613 года война не подходила так близко к городу, а тут надвинулась на него в вое пропеллеров, в грохоте бомб: вражеские самолёты

В. Страхов. «Весна», 1990

долетали до самой Вологды. Немецкое командование рассчитывало к зиме 1941 года выйти на линию Архангельск — Сталинград — Астрахань. Что стало бы с нашим городом, осуществись эти планы?

Едва ли красовались бы по-прежнему Софийский собор и Спасо-Прилуцкий монастырь, изысканная Сретенская церковь и величественный храм Николая Угодника во Владычной слободе. Герои, остановившие врага под Москвой, отважные бойцы, отбросившие немцев за Тихвин, защитили Россию, Вологду, тысячи русских городов и деревень. В рядах Красной Армии сражались и сыны вологодской земли. Свыше ста Героев Советского Союза дала Вологодчина Родине.

Отгремели залпы победных салютов 1945 года, демобилизованные воины вернулись домой, страна восставала из бездны горя и страданий.

Пятидесятые годы — годы обновления и надежд, время полётов первых искусственных спутников Земли, когда в тёмные октябрьские вечера толпы вологжан выходили на улицы, высматривая ползущую среди звёзд по ночному небосводу крошечную, мерцающую искринку. Город начал широко расти, завершилось строительство льнокомбината, приостановленное войной, на железной дороге появились первые тепловозы, а на реке — теплоходы, строились заводы «Электротехмаш» и ГПЗ, реконструировался «Северный коммунар». Наступил расцвет деятельности писательской организации и организации собратьев-художников. Были написаны новые книги, созданы живописные полотна, театр радовал зрителя интересными постановками. Не забылась, ещё свежа в памяти недавняя борьба против переброски северных вод на юг и, кажется, совсем вчера бушевали первые митинги перестроечной поры.

Вологде более восьми веков. Всё постепенно меняется в городе, и он сам, и люди. Его история ещё ждёт своего летописца, своего Карамзина, который опишет родную Вологду вдумчивым, чутким и вдохновенным пером. Всё меняется, но одно должно оставаться и остаётся неизменным — любовь к тому месту, где ты родился, где жили и погребены твои предки, а через любовь к своему городу сильней возгорится, станет живей и теплей любовь к нашей матери — великой России.

II

На улицах этого города, на просторах его площадей, в загадочной, манящей глубине его переулков, на берегу реки, вот уже шесть десятилетий течёт моя жизнь.

Грудным младенцем родители привезли меня сюда из деревни Коротыгино, где я родился. Отец, работавший в войну директором совхоза, неизлечимо заболел, стал инвалидом и был вынужден перебраться в город. Раннее моё детство, та захватывающая дух эпоха знакомства с жизнью, прошло во Флотском посёлке, окраинном городском уголке, причудливом скоплении сараев, домов и бараков, где проживало романтическое и временами буйное и нетрезвое племя водопла-